

столпе или ношение вериг невозможно даже вообразить в сегодняшних обителях. Еще более интересно то, что даже пост не является популярной практикой аскезы. Разумеется, мясо и иногда некоторые другие продукты не употребляются в монастырях, помимо этого, понедельник, среда и пятница являются постными днями, в которые запрещена молочная пища. Однако по факту разнообразной еды всегда вдоволь. Если монастырь действительно беден, то экономить будут на качестве еды, но не на ее количестве. Таким образом, хотя идея о важности поста широко распространена, фактически она реализуется весьма ограниченно. Как объяснили мне в одном монастыре, даже в первую неделю Великого поста они не могут существенно урезать свой рацион, поскольку их трудовые обязанности не отменяются.⁶

Таким образом, тело перестало быть главным объектом внимания современных монашествующих. Из всех аскетических практик, непосредственно затрагивающих тело, в монастырях применяется только ограничение гигиенических привычек современных людей. Стоят ли за этим только скромные ресурсы современных монашествующих, не позволяющие им произвести дорогостоящие работы по проведению инфраструктуры к до-революционным корпусам, или аскеза в гигиене стала новой иноческой практикой?

Немытое тело и модернизация

Быстрые изменения современной жизни являются настоящим вызовом для монашествующих. Поскольку мир никогда не меняется к лучшему, если верить Апокалипсису Иоанна Богослова, то любые технические новшества так или иначе приближают конец света. Самая надежная монашеская стратегия — опираться на примеры из житийной литературы — становится

⁶ Интересно, что в других православных традициях, например в нынешнем сирийском монашестве, пищевые ограничения являются главными аскетическими практиками. Я благодарна Доротее Велтеке (Dorothea Weltecke) за этот комментарий.

затруднительной. Между социальными реалиями, окружавшими средневековых преподобных⁷ и их сегодняшних почитателей, пролегает пропасть.

Справедливости ради нужно заметить, что разрыв преемственности с дореволюционной монашеской традицией не ставит монашествующих РПЦ в исключительное положение. Со схожими трудностями сталкиваются и насельники Афона, на котором иноческая жизнь не прерывалась тысячелетие. Однако в настоящее время афонские монастыри горячо обсуждают возможность принять некоторые инновации и модернизировать инфраструктуру Афона [Fajfer 2012]. Предметами острых дебатов стали такие повседневные для нас вещи, как электричество, автомобильные дороги, мобильные телефоны. Открытость к инновациям одного из афонских монастырей является поводом для обвинений его в утрате духовности другим монастырем — конфликт, разгоревшийся между обителями Ватопеди и Эсфигмен [Paganopoulos s. a.].

В условиях, когда невозможно найти ответ в традиции иноческой жизни, монашествующим приходится решать самостоятельно, какие технологические новшества допустимы в монастырях, а какие нет. Во время моих поездок по монастырям России я встречала весьма причудливые комбинации церковных инноваций: так, в некоей обители запрещены компьютеры и ноутбуки, но разрешены мобильные телефоны;⁸ священник одной из сельских церквей в Рязанской области отказывается проводить к храму электричество, но он использует портативный электрогенератор для подзарядки своего ноутбука; насельницы монастыря в Кировской области очень негативно относятся к телевизорам, сотовым телефонам, ноутбукам, диктофонам, фотоаппаратам, но сельскохозяйственная техника вполне хорошо прижилась в их обители.

Подобные разноплановые сочетания отчасти объясняются экономической необходимостью или экономическими ожи-

⁷ Жития этих преподобных пользуются особенной популярностью, поскольку эти святые являются основателями ряда обителей в Центральной и Северо-Западной частях нынешней России.

⁸ Надо заметить, что в 2013 г., до повсеместного распространения смартфонов, такое разделение все-таки не было совсем бессмысленным.

даниями (как в случае отказа от электричества, вызванного желанием иметь автономное хозяйство в условиях мирового голода, спровоцированного приходом Антихриста). В целом монастыри довольно доброжелательно относятся к техническим новинкам, которые способствуют выживанию обитателей. Даже крайне негативно настроенные к цифровой технике монастыри обычно допускают выполнение какой-либо работы для них с использованием компьютеров (например, бухгалтерской отчетности) мирянами и обычно на волонтерских началах.

Вопросы модернизации затрагивают также реставрационные процессы как монастырских корпусов в целом, так и отдельных келий в частности. Однажды во время обсуждения планов по реконструкции Горицкого монастыря моя собеседница, монахиня, заметила, что есть особая эстетика в обветшавших зданиях, поскольку так они выглядят традиционными. После чего монахиня рассказала, что во время ее обучения на регентском отделении Московской семинарии, расположенной в Троице-Сергиевой лавре, в лавре начались восстановительные работы и многие насельники лавры были несогласны с проектом, предполагавшим проведение евроремонта. Появилось даже слегка насмешливое название для отреставрированного монастыря «Евро-Лавра», в котором новый комфорт приобретал коннотации западной бездуховности и утраты традиции.

Регент, получившая образование по специальности «звуко-режиссер» в одном из престижных московских университетов, как и инокиня Т., начинавшая восстанавливать Горицы, относилась к позднесоветской интеллигенции, среди которой эстетика Древней Руси пользовалась особой любовью. Почитание икон Андрея Рублева, знаменного пения,⁹ деревянного храмового зодчества хорошо сочетается с предпочтением обветшалых монастырских зданий перед отреставрированными, особенно с использованием современных материалов.

⁹ Знаменный распев был популярен в церквях до XIX в. Сейчас он возрождается профессионалами в консерваториях. Его почитатели считают его более проникновенным в духовном смысле, чем пришедший на смену знаменному партесный (или многоголосный) распев.

Главы монастырей обычно придерживаются другого взгляда на принципы реставрации. Поскольку их успешность как руководителей часто судится церковными властями по внешнему отреставрированному фасаду, реконструкция церквей и храмов — как главных зданий, представляющих обитель, — становится первоочередной задачей. В свою очередь, интерьеры и инфраструктура монашеских корпусов оказываются последними в реставрационном списке.

Ограниченные ресурсы монастыря, безусловно, затрудняют возможность проведения воды и канализации к тем монашеским корпусам, чья дореволюционная конструкция не предусматривала подобных удобств. Обители, которые построили отдельные гостиницы для паломников, могут ограничивать доступ к горячей воде в силу дороговизны коммунальных услуг. Однако то согласие, с которым как приезжающие временные трудники, так и постоянные насельники монастырей воспринимают эту ситуацию, заслуживает отдельного рассмотрения и позволяет предположить, что дефицит ресурсов — не единственное объяснение гигиенической аскезы. Каким-то образом немытое тело оказалось легко вписываемо в монастырские интерьеры.

Даже люди с различными эстетическими предпочтениями и отличающимися образами того, как должен выглядеть восстанавливаемый монастырь, могут иметь сходное отношение к телу, если их объединяет одна идея — монашествовыми должны становиться те, кто ищет общения с Богом, а не с людьми. Жития преподобных Северной и Центральной частей России часто обладают похожей сюжетной структурой: святой оставляет свою семью/общину/город или село и уходит в леса, чтобы посвятить всю свою жизнь только Богу. В дальнейшем, привлеченные его святостью, другие иноки могут присоединиться к скиту преподобного и образовать монастырь. Таковы жития преподобных Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Ферапонта Белозерского, Александра Свирского и многих других. Образ уединенной обители по сей день является идеалом многих монашествующих.

Благочинная Горицкой обители, одна из самых деятельных монахинь из всех, кого я встречала, так описала мне свой идеальный образ монастыря:

Вот я себе представляю преподобного Зосиму Верховского, в пустыне жил в Сибири, там морозы побольше, в земляночке, дров никаких нет. Они, знаешь, как себе еду заготавливали, они выбирали какой-то промежуток, неделю или две осенью, напекали хлеб пополам с травой, муку пополам делили: мука травяная и мука хлебная, пополам замешивали, пекли хлеб, потом его замораживали, овощи все замораживали, варили какую-то похлебку и ее тоже замораживали, чтоб им зимой не варить еду, и всю зиму они жили в своих келейках, я не знаю, насколько там было тепло, но они молились, чтоб время не тратить на еду, отрезали кусок этого мерзлого хлеба, этой каши и дальше молились. (Благочинная, 35 лет.)

В этом описании идеального монастыря находится место аскетическим практикам: посту и претерпеванию суровых морозов, но основа этого монастыря — непрерывная молитва, с помощью которой инок и устанавливает связь с Богом. Отказ от связей с миром — не то чтобы реально достижимый для современных монашествующих — имеет, однако, другое интересное следствие. Человек, решивший принять монашеские обеты, отказывается от публичной жизни и публичной презентации себя. До решения уйти в монастырь все нынешние насельницы жили в миру и, вероятно, с детства усвоили ряд гигиенических практик для поддержания «приличного» тела. В течение нескольких предыдущих столетий процессы модернизации и урбанизации изменили и ужесточили общественные нормы в отношении телесных запахов.¹⁰ Практики ежедневной гигиены стали само собой разумеющимися, а запахи, или, скорее, их отсутствие, служат маркерами как определенного культурного уровня человека, так и в целом безопасности и чистоты окружающей среды. Как следствие, дезодоранты, духи и другие средства, прячущие естественные запахи тела, очень популярны в современном обществе.

Несмотря на монашеский идеал, который предполагает трансформацию человека в бестелесное существо, именно в мо-

¹⁰ Об общей тенденции воспитания чувств см.: [Elias 2000 (1939); Foucault 1973], на примере Российской империи — [Pirogovskaya 2014].

настыре потеющее и грязное тело получило право на существование.¹¹ Так, современная монашеская аскеза, в лучших традициях аскетических практик, ограничивает одну из самых насущных потребностей современного человека. Более того, пренебрежение нормами гигиены является, по сути, отказом от стандартов публичного поведения. Таким образом, отсутствие водопровода и экономия способствуют поддержанию невымытого тела. В свою очередь, такое тело помогает в установлении асоциального монашеского сообщества, в котором отношения с Богом ценятся выше связей между людьми.

Однако если условия жизни в монастырских дореволюционных корпусах способствуют развитию одних аскетических практик, то они же оказываются препятствием к упражнению в других духовных добродетелях. Так, творение Иисусовой молитвы, которое, по мнению части монашествующих, является главной их задачей, трудно осуществимо в современном монастыре. Ценность данной молитвы, т. е. непрерывного повторения слов: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного», в том, что она, согласно исихастской традиции, может привести к обожению человека, т. е. к святости. Впрочем, условия для творения этой молитвы требуются такие, что инфраструктура больших городов оказывается более подходящей для упражнения в ней, чем монастырская повседневность.

Молитвенное делание

Желание практиковаться в молитве было едва ли не главной мотивацией ухода из мира для определенной части насельниц. Некоторые из них начали свои духовные поиски еще в советский период. Глобальная тенденция к спиритуализации отдельных сторон жизни, получившая собирательное наименование нью-эйдж движения, не обошла стороной и Советский Союз. Уже с 1970-х гг. в среде советской интеллигенции (особенно

¹¹ Интересно, что в житиях современных блаженных встречаются описания замусоренных келий и даже неприятного запаха, исходящего от святой [Кормина, Штырков 2014].